

УДК 821.161.1:82-312.3

Культурные «универсумы» деревенской прозы: контексты понимания

Икитян Людмила Нодариевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
295007, Российская Федерация, Республика Крым,
Симферополь, просп. Академика Вернадского, 4;
e-mail: ludmilkatiran@mail.ru

Звилинская Лидия Анатольевна

Учитель русского языка и литературы I категории,
Кольчугинская школа № 1,
297551, Российская Федерация, Республика Крым,
Симферопольский р-н, с. Кольчугино, ул. Школьная, 21;
e-mail: businka.77@mail.ru

Аннотация

В статье ключевые аспекты и типичные черты деревенской прозы рассмотрены с позиций культурных ориентаций. Они проанализированы через призму основополагающих факторов, необходимых для постижения как всего массива литературы о русской деревне, так и отдельных ее произведений. Авторы статьи отказываются от сугубо «опредмеченного» понимания деревенской прозы как «литературы о деревне», раскрывая феноменальную сущность этого явления через парадигму поэтологических составляющих, таких как противостояние официальной идеологии и принципам соцреализма; социально-общественная направленность мысли; активная гражданская позиция авторов; очерковость и публицистичность; морально-этические и глубоко нравственные ориентиры культурософии писателей-деревенщиков. Один из ключевых смысловых центров – тема экологии души, т. е. отношений человека и Природы, – рассмотрен авторами на примере цикла В. Астафьева «Царь-рыба».

Для цитирования в научных исследованиях

Икитян Л.Н., Звилинская Л.А. Культурные «универсумы» деревенской прозы: контексты понимания // Культура и цивилизация. 2016. № 2. С. 262-271.

Ключевые слова

Деревенская проза, культурные универсумы, В. Астафьев, сельская среда, нравственное воспитание.

Введение

Существуя в замкнутой, сконцентрированной на самой себе системе «мер и весов», человек утрачивает представления о реальных измерениях жизни. Порой безвозвратно. Культура же – это постоянное возвращение на круги своя, это приобщение к смыслам константным и универсальным, что называется, на все времена. Сегодняшнему человеку – продукту эпохи «техно» – многие темы, поднятые русской литературой прошлого столетия, кажутся, мягко говоря, неактуальными. В условиях, когда «осязаемые» формы жизни теряют свою привлекательность, а все пространство и время сводится к нескольким кликам «мышкой», запечатленные в художественном слове культурные «универсумы» представляются чем-то из иной реальности. Особенно сложно сегодня говорить о том массиве русской литературы, идейно-образный строй которой «взращен» российской глубинкой. Несоизмеримо трудно найти отклик в душе городского (во множестве смыслов этого слова) жителя на проблемы деревни, и особенно те, что, как кажется, остались в далеком прошлом с его раскулачиванием крестьян и коллективизацией, ударными стройками и циклопическими проектами-экспериментами. Однако эти проблемы до сей поры не утратили своей злободневности, а с точки зрения культуроцентристских ориентаций¹ современного общества, они находятся в фазе нового обострения. Ведь идея цивилизационного развития человечества, связанная исключительно с техническим прогрессом и технократическим регулированием жизни, дискредитировала себя еще столетие назад [Иванова, 2013; Князева, 2010]. И все научно-технические принципы развития общества при их очевидных достоинствах, увы, не были в состоянии гармонизировать ни социальные, ни индивидуально-личностные макро- и микромиры. Про неизбежность культурных утрат при сугубо рациональных и во многом потребительских подходах к жизни настойчиво пророчествовали авторы русской деревенской прозы второй половины прошлого столетия.

Культурные «универсумы» деревенской прозы

О сложных процессах, обусловивших неоднозначность русской литературы XX века, в науке о литературе сказано много. В достаточной мере раскрыты и наиболее яркие ее направления, в том числе и деревенская проза [Новожеева, 2013]. При этом далеким от выражения истинной сути деревенской литературы является безликое и от того закономерно не выдержавшее испытания временем определение «литература о деревне» [Якушева, 2013]. Терминологическую неопределенность в обосновании деревенской прозы [Жиндеева, 2014, 140-141], на наш взгляд, легко устраняет дефиниция «феномен» [Большакова, 2002; Мартаза-

¹ Развитие общества сквозь призму культуроцентризма определяется духовными ценностями и культурными смыслами. Культура является второй (наряду с природой) онтологической реальностью, формирующей человека и социальные связи. Основная идея заключается в утверждении тезиса об изначальной первозданности человеческой культуры, никогда не порывающей со своими истоками (Й. Хейзинга).

нов, 2007], как наиболее полноценно отражающая специфику этого самобытного и сильного «в проблемном и эстетическом отношении» [Николаев, 2004, www] литературного явления.

Культурный потенциал деревенской прозы сокрыт в самих основополагающих факторах, некогда определивших ее своеобразие в массиве советской литературы. Духовно-нравственный вектор этого искусства своеобразно синхронизирует многогранность тематически, концептуально, стилистически очень разных произведений, входящих в его состав, определяя удивительную целостность этого направления. Первостепенной из характерных для деревенской прозы черт и, пожалуй, стержневой явилась линия противостояния создателей деревенской литературы официальной идеологии и принципам соцреализма в искусстве. С момента своего возникновения в 50-х годах и до наивысшего развития в 70-80-е десятилетия деревенская проза была литературой глубоко русской и совершенно не советской. Более того, «полное собрание произведений писателей-деревенщиков», по утверждению немецкого исследователя Вольфганга Казака, представляло собой не что иное, как «самый суровый приговор ценностям социализма» [цит. по: Ханбеков, 1989, 49]. Еще в процессе своего становления, взрастая на соцреалистической «почве» с его лубочными строителями светлого будущего, деревенская проза стремилась освободиться от упрощенных «схем» и идеологических шаблонов искусства-прародителя. Культурологическим фундаментом подлинной литературы о русской деревне стал вовсе не конфликт «города и села» (имевший при этом место быть), а ситуация исторического кризиса русской глубинки, взъерошенной и надорванной эпохой соцсоревнований. Именно ситуацией кризиса обусловлены стержневые коллизии деревенской прозы второй половины XX века, где не осталось места ни характерному искусству XIX столетия любованию «сельским» провинциализмом, ни воспеванию практической пользы деревни – ее главной ценности для молодой советской литературы начала XX века. Феноменальный облик искусства авторов-«деревенщиков» определила установка на идеальный эстетический образ, выработанный «на основе... поэтических воззрений на людей и природу древних земледельцев, скотоводов-пастухов» [Большакова, 2002, 6]. Симптоматично, что все писатели – Ф. Абрамов, С. Залыгин, Б. Можаев, Е. Носов, В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин, В. Солоухин и др. – люди глубинки, носители, что называется, «крестьянского мироощущения» [Там же]. Потому не удивительно, что прозаики этого направления не могли писать иначе, чем «без какого-либо угождения, каденция советскому режиму, как бы позабыв о нем» (А. Солженицын) [цит. по: Панкин, 1982, 181]. К 70-80-м годам деревенская проза в полной мере выражала четкую оппозицию системе общегосударственных установлений, узаконивающих бесхозяйственность как принцип. Потребительская бесконтрольность людей и рвачество как жизненная философия – узловым, в понимании авторов-«деревенщиков», момент духовного очерствения и утраты «корневых» ценностей человечества. Так, например, у В. Астафьева в «Царе-рыбе», цикле самых разнородных по жанрово-видовой природе новелл, скрепляющим их в неделимое художественное целое является лейтмотив хищнического отношения человека к Природе и неотвратимости наказания за это.

Из противостояния официальной социалистической идеологии возрастает устойчивая тенденция к социальной злободневности и, в целом, общественной направленности художественной мысли - еще одна отличительная черта культурного «универсума» деревенской прозы. Эта литература изначально коррелировала с общественной жизнью, подвижки которой активно влияли на судьбы деревни. Проблемными для нее становились как сугубо утилитарные вопросы повседневного сельскохозяйственного быта, так и глобальные, такие, например, как утрата человеком своей самобытности и национальной идентичности. В кругу факторов, что критически осмыслились писателями, оказывались процессы без преуменьшения судьбоносные. Своего рода вехами в долгой эпохе переустройства по-советски стали и постреволюционное раскулачивание, и сталинская коллективизация, и хрущевская борьба с «мелкособственничеством», и брежневские «проекты» покорения природы и ликвидации «неперспективных» сел. Писатели не могли обойти вниманием злободневные вопросы непосредственного состояния дел русской глубинки и при этом стремились найти не литературное решение, но житейское – жизненно важное.

В тесной привязке искусства писателей-«деревенщиков» к жизни формируется еще одна черта их прозы и в целом творческой биографии – это четко сформулированная и активно отстаиваемая авторами гражданская позиция. Многие были общественными деятелями, инициаторами социальных инициатив и организаторами гражданских протестов (против поворота вспять рек Сибири; против укрупнения населенных пунктов и др.). Сами произведения стали своеобразным документом неразумной политики государства, его преступных просчетов, влекущих неминуемую утрату самое себя. Так, повести В. Личутина «Бабушки и дядюшки», В. Распутина «Век живи – век люби», «Прощание с Матерой», «Вниз и вверх по течению» и др. с их сюжетами о затоплениях густо заселенных территорий при строительстве ГЭС явились свидетельством того, как «сельская Россия потоплена усилиями прогресса» [Партэ, 2004, 99]. Социокультурные проблемы повлияли на систему жанров деревенской прозы и особенно на стилистическую ее специфику. Характерными для нее стали очерковость – документальная точность и достоверность в передаче фактов, непосредственность наблюдений над буднями жителей села, а также публицистичность – эмоционально-оценочный тон повествования, призывность в обращении к актуальным общественным и политическим вопросам текущей жизни [Алейников, 1990; Партэ, 2004].

Все это способствовало выполнению главной творческой и гражданской задачи авторов деревенской прозы – донести до читателя идею рачительного использования природных богатств и, шире, сохранности русской «корневой» ментальности. Но угроза потребительского и чрезмерно «планового» хозяйствования человека представляла настолько всепоглощающей, а катастрофа – неотвратимой, что в общем звучании этой литературы не могли не найти отражение тревожные предостережения. «Исследование глобальной по своему характеру проблемы трагических судеб деревни в прошлом и настоящем, тревога за ее будущее» [Золотусский, 1968, 40] привели писателей к ощущению печального исхода микромира русской глубинки и

макромира человечества. Именно деревенская проза показала, что русская деревня, ставшая за тысячелетие отдельной цивилизацией, основой русской культуры, десятилетие за десятилетием лишалась стимулов для своего развития. Меньше, чем за столетие, мир русской деревни рухнул, вместе с десятками тысяч судеб погребая под собой традиции, мораль, сакральные начала России. В результате к 80-м годам «деревенская проза ... приобретает тон апокалиптический. “Пожар” Распутина, “Печальный детектив” и “Людочка” Астафьева, роман Белова “Все впереди”, повесть В. Крупина “Прощай, Россия, встретимся в раю” – это уже крик отчаяния, удар в набат, полная потеря надежды не просто на светлое будущее, но даже на какую бы то ни было возможность сохранения остатков прошлого» [Лихачев, 1986, 375]. А апокалипсис как предельно расширенный мотив утраты [Партэ, 2004] выражался в тревоге за то, что «под угрозой все – природа, Россия, народ, ее населяющий, весь мир вообще» [Там же, 105].

Культурософские координаты неизменно касаются морально-этических вопросов. Глубоко нравственные в своей основе ориентиры деревенской прозы очертили круг затрагиваемых в ней проблем, их «масштаб» и составляющие. К 70-м годам из деревенской прозы полностью ушли «хозяйственно-экономические» темы, а на первый план вышел конфликт человека и Природы, проблемы духовных истоков жизни [Peterson, 1994]. Значимой в «экологической» тематике литературы о русской глубинке стала тема боли и отчаяния жителя села, отторгнутого от своих корней волею судеб или добровольно сделавшего выбор в пользу чуждого «самородному» образа жизни и образа мысли. В этом конфликт всех героев-чудиков В. Шукшина с теми, кто «молится» богу комфорта и городской суеты [Christian, 1997]. Об этом и повесть В. Распутина «Прощание с Матерой», и рассказ А. Солженицына «Матренин двор», и северная сказка Ф. Абрамова «Жила-была семужка», и одно из наиболее значимых творений деревенской прозы – стоящий несколько особняком в литературном наследии 70-х годов цикл В. Астафьева «Царь-рыба». В череде астафьевских рассказов о вероломстве человека дается развернутое представление о его отношениях с Природой – о столкновениях и осторожных касательствах. Если одни герои считают Природу Кормилицей и берут ровно столько, сколько необходимо для пропитания (как Дамка – безобидный, нелепый, презираемый односельчанами за неумение «правильно» жить мужичонка, «Дамка»), то другие полагают Природу собственностью, отданной в их безраздельное пользование (Командор, «У Золотой Карги»). Природа требует от человека заботы, но иногда ей достаточно, чтобы ее просто не обижали, в алчности и ненасытности не нарушали ее хрупкого равновесия.

Разрыв или ослабление спасительной связи с сакральными центрами рождает в человеке два трагических и в то же время нелепых качества: одно – беспочвенность, другое – высокомерие. Например, рыбак Грохотало – человек «перекати-поле»: в прошлом преступник, в настоящем – человек без родины, так и не сумевший прирасти к земле-кормилице («Рыбак Грохотало»). И на лоне Природы он остается человеком тотальной злобы и волевого бесилия. Даже горожанин, вырвавшийся из своего квартирному мирка «со всеми удобствами», порой способен ощутить витальную силу Естества, прозреть в обычной, повисшей на краю

ивового листа капле истинные ценности жизни, услышать заглушаемый городской толчеей голос души («Капля»). Высокомерные же мечты гордого человека (Игнатъич, «Царь-рыба») смешны и столь же трагичны, сколько и неумные желания пушкинской старухи, жаждущей власти над тем, кто одарил ее благами. В ситуации один на один с «рыбиной» к герою Астафьева приходит понимание призрачности человеческого могущества: в расставленных жизнью сетях он, Игнатъич, и есть добыча, пойманная на крючок собственного тщеславия.

Не стоит думать, что деревенская литература – это лишь литература конца, где все вопиет о «последнем сроке» [Там же, 88]. Проза авторов-«деревенщиков» не только пророчествует о внутренней деградации человека-собственника, но и раскрывает пути его духовного приращения, что говорит об уникальном факте «встречи» в деревенской литературе «разлада и лада, т. е. разногласий и гармонии» [Там же, 97]. В цикле Астафьева, например, человеком «гармонии» является Аким. В этом ничем не отличающемся от других, малограмотном жителе поселка Боганида есть нутряная близость к Природе: умение столкнуться с ней («договор» с медведем), не навредить (взять только самое необходимое), способность откликнуться на чужую беду (оставить промысел ради спасения девушки Эли). И ни в какое сравнение с ним, выросшим в нищете, воспитанным матерью-«кукушкой», растерявшим младших братьев и сестер в интернатах и детских домах, не идет образованный интеллигент-индивидуалист Гога Герцев («Сон о белых горах»).

С каждой последующей новеллой в цикле «Царь-рыба» усиливается драматизм повествования, динамично нарастают и множатся антихарактеристики героев, от рассказа к рассказу повышается градус напряжения действия. Однако глубинный смысл цикла не только в неизбежности наказания для человека-хищника, но и в глубоко скрытой, часто игнорируемой людьми возможности примириться с «корневыми» началами Жизни, «поврачеваться» Природой, внять ее «космической пространственности» и духовно преобразиться.

Заключение

Итак, подходы к пониманию контекстов деревенской прозы могут и, наверное, должны быть различными и даже спорными. Неоднозначность в восприятии ее смыслов, вероятно, кроется не только в особенностях литературы о русской деревне, но и в позиции читателя, напрямую определяемой возрастом тех, кому сегодня предстоит эти смыслы – в оценке одних, исконные и традиционные, а других, консервативные и лубочные – расшифровывать. Однако культурные коды деревенской прозы второй половины XX века не тускнеют со временем и все так же, как и почти полвека назад, формируют систему общечеловеческих ценностей. А провожая последних представителей этой литературы, мы говорим об уходе подлинных хранителей², чья проза «...легко убеждает, что в лучшем мы все – дети единого мира, и на

2 Совсем недавно, 14 марта 2015 года, мы простились с Валентином Распутиным; несколько ранее, 4 декабря 2012 года, ушел из жизни Василий Белов.

клочке земли размером с ладонь весь человек помещается так же полно, как и во вселенной» (Валентин Курбатов). В финале своего «повествования в рассказах» В. Астафьев приводит развернутую библейскую цитату из Экклезиаста о своевременности «всякого дела под небесами» – «убивать и... исцелять», «насаждать и... вырывать насаженное». Вслед за Проповедником автор задумывается: какое же время наступило сейчас? Вся деревенская проза – это ответ на вопрос: не пора ли собирать некогда в изобилии разбросанные человеком камни?

Библиография

1. Алейников О.Ю. Публицистичность художественной прозы как стилевая проблема (повесть В. Распутина «Пожар») // Проблемы взаимодействия метода, стиля и жанра в советской литературе. Свердловск: Свердловский государственный педагогический институт, 1990. С. 142-149.
2. Бахор Т.А., Лобарева В.С., Зырянова О.Н. Архетипическая основа малой прозы И. Пантелеева // Фундаментальные исследования. 2013. № 8-6. С. 1487-1490.
3. Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 403 с.
4. Жиндеева Е.А. «Деревенская проза» в русской литературе // История русской литературы XX века (советский период). Саранск: Мордовский педагогический институт, 2014. С. 134-157.
5. Золотусский И.С. Федор Абрамов: личность, книги, судьба. М.: Советская Россия, 1968. 195 с.
6. Иванова И.Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (24). С. 88-94.
7. Князева Е.С. «Деревенская проза»: итоги или перспективы развития? // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Проблемы филологии и межкультурной коммуникации. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2010. С. 178-187.
8. Лихачев Д.С. Мощный талант // Земля Федора Абрамова. М.: Современник, 1986. 399 с.
9. Мартазанов А.М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы»: В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2007. 276 с.
10. Николаев П.А. Деревенская проза // Словарь по литературоведению. URL: <http://nature.web.ru/litera/4.5.html>
11. Новожеева И.В. Маргинальный тип личности в деревенской прозе 1970-х годов (по произведениям В.М. Шукшина) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 219-223.
12. Панкин Б.Д. Строгая литература: литературно-критические очерки и статьи. М.: Советский писатель, 1982. 400 с.

13. Партэ К. Последний срок: метафоры утраты в деревенской прозе // Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Издательство Томского университета, 2004. С. 87-105.
14. Ханбеков Л.В. Веленьем совести и долга: очерк творчества Федора Абрамова. М.: Современник, 1989. 173 с.
15. Якушева О.А. Типы крестьян в новой деревенской прозе // Достижения вузовской науки. 2013. № 5. С. 23-26.
16. Christian N. Manifestations of the eccentric in the works of Vasilii Shukshin // Slavonic and East European review. 1997. Vol. 75. No. 2. P. 201-215.
17. Peterson D.E. "Samovar life": Russian nurture and Russian nature in the rural prose of Valentin Rasputin // Russian review. 1994. Vol. 53. No. 1. P. 81-96.

The cultural "universals" of village prose: contexts for understanding

Lyudmila N. Ikityan

PhD in Philology, Associate Professor,
V.I. Verndasky Crimean Federal University,
295007, 4 Vernadskogo av., Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation;
e-mail: ludmilkatiran@mail.ru

Lidiya A. Zvilinskaya

Teacher of Russian language and literature of the 1st category,
Kolchugino School No. 1,
297551, 21 Shkolnaya st., Kolchugino village, Simferopol district,
Republic of Crimea, Russian Federation;
e-mail: businka.77@mail.ru

Abstract

Objective. The article aims to highlight the principles of the development of village prose.

Methods. The authors use the method of comparative historical analysis in order to compare the essential objects from different cultures. In addition, the essential-functional method was applied to analyze the relationship among the cultural universals of village prose.

Results. The authors identify the major components of village prose from the standpoint of cultural universals. They understand culture as the introduction to the universal meanings

which determine the topicality and importance of the problems of Russian village life reflected in the literature. The paper reviews the typical features of village prose in the light of the factors that help to comprehend this prose as a whole and its individual works. The authors distance themselves from the understanding of village prose as "literature about the countryside".

Conclusion. The authors reveal the unique nature of village prose through the paradigm of the following literary and poetic components: the opposition to official ideology and the principles of socialist realism; the people-oriented character of literary works; the active civic position of the authors; the essay and journalistic genre of the prose; the ethical and deeply moral cultural philosophy of village prose writers. One of the key themes is that of the soul's ecology, meaning the relationship between man and nature.

For citation

Ikityan L.N., Zvilinskaya L.A. (2016) Kul'turnye "universumy" derevenskoi prozy: konteksty ponimaniya [The cultural "universals" of village prose: contexts for understanding]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2, pp. 262-271.

Keywords

Village prose, cultural universals, V. Astafiev, rural environment, moral education.

References

1. Aleinikov O.Yu. (1990) Publitsistichnost' khudozhestvennoi prozy kak stilevaya problema (povest' V. Rasputina "Pozhar") [The publicistic character of fiction as a stylistic problem (V. Rasputin's story "The fire")]. In: *Problemy vzaimodeistviya metoda, stilya i zhanra v sovetskoi literature* [The problems of interaction among the method, style and genre in Soviet literature]. Sverdlovsk: Sverdlovsk State Pedagogical Institute, pp. 142-149.
2. Bakhor T.A., Lobareva V.S., Zyryanova O.N. (2013) Arkhetipicheskaya osnova maloi prozy I. Panteleeva [The archetypal basis of I. Panteleev's flash fiction]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 8-6, pp. 1487-1490.
3. Bol'shakova A.Yu. (2002) *Fenomen derevenskoi prozy (vtoraya polovina XX veka)*. Dokt. Diss. [The phenomenon of village prose (the second half of the 20th century). Doct. Diss.]. Moscow.
4. Christian N. (1997) Manifestations of the eccentric in the works of Vasili Shukshin. *Slavonic and East European review*, 75 (2), pp. 201-215.
5. Ivanova I.N. (2013) Derevenskaya proza v sovremennoi otechestvennoi literature: konets mifa ili perezagruzka? [Village prose in contemporary Russian literature: the end of the myth or a fresh start?] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 6-1 (24), pp. 88-94.

6. Khanbekov L.V. (1989) *Velen'em sovesti i dolga: ocherk tvorchestva Fedora Abramova* [According to the dictates of conscience and duty: an essay on Fedor Abramov's creative work]. Moscow: Sovremennik Publ.
7. Knyazeva E.S. (2010) "Derevenskaya proza": itogi ili perspektivy razvitiya? ["Village prose": outcomes or prospects for development?]. In: *Rossiia i mir: vchera, segodnya, zavtra. Problemy filologii i mezhekul'turnoi kommunikatsii* [Russia and the world: yesterday, today, and tomorrow. Problems of philology and intercultural communication]. Moscow: Dashkova Moscow Institute for the Humanities, pp. 178-187.
8. Likhachev D.S. (1986) Moshchnyi talant [Tremendous talent]. In: *Zemlya Fedora Abramova* [The land of Fedor Abramov]. Moscow: Sovremennik Publ.
9. Martazanov A.M. (2007) *Ideologiya i khudozhestvennyi mir "derevenskoi prozy": V. Rasputin, V. Belov, V. Astaf'ev, B. Mozhaev. Dokt. Diss.* [The ideology and artistic world of "village prose": V. Rasputin, V. Belov, V. Astafiev, B. Mozhaev. Doct. Diss.]. St. Petersburg.
10. Nikolaev P.A. (2004) Derevenskaya proza [Village prose]. In: *Slovar' po literaturovedeniyu* [A dictionary of literary criticism]. Available from: <http://nature.web.ru/litera/4.5.html> [Accessed 25/03/16].
11. Novozheeva I.V. (2013) Marginal'nyi tip lichnosti v derevenskoi proze 1970-kh godov (po proizvedeniyam V.M. Shukshina) [The marginal type of personality in the village prose of the 1970s (a case study of V.M. Shukshin's works)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2, pp. 219-223.
12. Pankin B.D. (1982) *Strogaya literatura: literaturno-kriticheskie ocherki i stat'i* [High literature: literary essays and articles]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
13. Parthé K.F. (1992) Borrowed time: metaphors of loss in village prose. In: *Russian village prose: the radiant past*. Princeton, NJ: Princeton University Press. (Russ. ed.: Parte K. (2004) Poslednii srok: metafory utraty v derevenskoi proze. In: *Russkaya derevenskaya proza: svetloe proshloe*. Tomsk: Tomsk University, pp. 87-105.)
14. Peterson D.E. (1994) "Samovar life": Russian nurture and Russian nature in the rural prose of Valentin Rasputin. *Russian review*, 53 (1), pp. 81-96.
15. Yakusheva O.A. (2013) Tipy krest'yan v novoi derevenskoi proze [Types of peasants in new village prose]. *Dostizheniya vuzovskoi nauki* [Achievements of high school science], 5, pp. 23-26.
16. Zhindeeva E.A. (2014) "Derevenskaya proza" v russkoi literature ["Village prose" in Russian literature]. In: *Istoriya russkoi literatury XX veka (sovetskii period)* [The history of the Russian literature of the 20th century (the Soviet period)]. Saransk: Mordovia Pedagogical Institute, pp. 134-157.
17. Zolotusskii I.S. (1968) *Fedor Abramov: lichnost', knigi, sud'ba* [Fedor Abramov: personality, books, fate]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.